

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Убийца
поневоле

Каменская

Александра Маринина

Убийца поневоле

«Автор»

1995

Маринина А.

Убийца поневоле / А. Маринина — «Автор»,
1995 — (Каменская)

ISBN 5-699-05211-9

Кто же она такая – любовница ее брата? С поисков ответа на этот вопрос начинается свое частное расследование Анастасия Каменская. Она и не подозревала, что пустяковое на первый взгляд дело обретет поистине международный масштаб, а по ходу расследования ей придется столкнуться с целым рядом жестоких и вроде бы немотивированных убийств. И, разумеется, она не могла предвидеть, что распутывать этот криминальный клубок ей помогут боевой генерал-десантник и матерый вор в законе, в долгу перед которыми она останется на всю жизнь. А с подружкой брата все стало ясно сразу же...

ISBN 5-699-05211-9

© Маринина А., 1995

© Автор, 1995

Содержание

МИССИС ХОЛМС	5
Глава 1	7
1	7
2	10
3	11
4	14
Глава 2	17
1	17
2	22
3	25
4	30
Глава 3	31
1	31
2	34
3	35
4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александра Маринина

Убийца поневоле

МИССИС ХОЛМС

Детективы Александры Марининой органично вписаны в нашу обычную жизнь, где поводов для оптимизма и веры в светлое будущее маловато. Но в то же время чувства безысходности по их прочтении тоже как-то не возникает. А если и возникает, то не столь сильное, как после прослушивания ежедневных новостей. Мало того – книги Марининой вселяют в читателя даже некий оптимизм. Конечно, мафия бессмертна, но это не значит, что честному человеку только и остается, что запастись мылом, веревкой и идти в лес искать сук покрепче. Потому как герои ее книг люди честные, и ничего – живут, работают, попадают в разные передряги и ухитряются выбираться из них. Честные, кроме того – милиционеры, кроме того – на Петровке работают, кроме того – вполне нормальные живые люди, а не ходячие плакаты.

Любители детективов, да и просто читатели книжек легко назовут особые приметы популярных сыщиков. Шерлок Холмс – скрипка и кокаин, Эркюль Пуаро – роскошные усы, яйцевидная голова и любовь к кабачкам, мисс Марпл – вязание, инспектор Мегрэ – трубка... Колоритная и запоминающаяся фигура сыщика – половина успеха детектива и приятная возможность для автора писать сериями. Но вот попробуйте-ка создать такую фигуру! И чтоб был не только колоритен, но и любим читателями...

У Александры Марининой обычно в центре расследований – майор Анастасия Каменская, аналитик отдела по борьбе с особо опасными преступлениями. Настя, Аська, Стасенька, стройная опять же блондинка шестидесятого года рождения с лицом как чистый лист бумаги, – при помощи косметики можно изобразить на нем все что угодно, от неземной красавицы до комической старухи. Идеальная для сыщика внешность. Но в красавицы Настя не рвется, будучи абсолютно равнодушной к обычным «женским штучкам». Кроме того, она знает чуть ли не все европейские языки. Кроме того, она сама себя определяет как компьютер, работающий не от электросети, а от кофе и сигарет. Кроме того, она патологически ленива. Кроме того... Хотя хватит и названного. С такой девушкой вполне можно писать серию – и колоритна, и запоминается, и вполне живая.

Самый верный и распространенный сюжетный ход в детективе – когда Главным Убийцей оказывается персонаж, совершенно на эту роль не подходящий. И, разумеется, Александра Маринина этот ход тоже использует. Ну кто плохо подумает о старой седой учительнице? И можно ли усомниться в надежном, проверенном в деле работнике милиции в чине подполковника? Фамилии и имена персонажей не называю сознательно: не хочется портить удовольствие тем, кто книги Марининой еще не читал. Но даже если зловещая фигура преступника просматривается уже где-то с середины повести, будьте уверены – «под занавес» автор все равно преподнесет вам какой-нибудь сюрприз.

Однако книги Марининой – тот редкий случай, когда не так уж и важно, вычислит читатель убийцу на сто пятидесятой странице или на триста семидесятой. Напряжение все равно не спадает. Важно другое – ход расследования. Еще раз повторяю: тем, кто определяет качество детектива по количеству перестрелок, погонь и трупов на страницу, Маринина вряд ли понравится. Хотя трупов у нее тоже хватает – всегда больше двух. Настя Каменская все-таки не сыщик, а аналитик. К ней стекаются все факты – она выдает версии. Следить за рождением этих версий «из ничего» – занятие крайне увлекательное. Настолько увлекательное, что даже как-то забываешь, насколько близки сюжеты книг Марининой к реальным жизненным сюжетам, и относишься к ним как к абстракциям.

Забываешь, но ненадолго.

Потому что, как и в реальной жизни, у Марининой объяснение очередной загадки (раскрытие одного, отдельно взятого преступления) все равно саму тайну до конца не исчерпывает. Нельзя совсем отдернуть занавес, удастся лишь приподнять немного краешек – он все равно тут же снова опускается невидимой рукой. В глобальном масштабе тайна так и остается тайной. Например, когда с данным конкретным убийством все понятно, но цепочка, в которую оно вплетено, не имеет ни начала, ни конца. Кто эту цепочку играючи пропускает между пальцев – догадайтесь сами, дорогие читатели.

«С точки зрения естественного отбора мафия будет матереть, а сыщики – крепнуть, слабейшие погибнут, сильнейшие выживут... А с точки зрения математики вы всегда будете существовать параллельно. И никогда не пересечетесь. Никогда. Они вас не сломают. Но и вы их не задавите» – резюме гениального математика Леши Чистякова, друга, мужа и няньки сыщика Каменской. Обидно, но, кажется, верно. Автору, как специалисту, виднее...

Утешимся тем, что раз мафия и сыск бессмертны, то и детектив вечен.

Татьяна КРАВЧЕНКО

Глава 1

1

Черное платье сидело на стройной фигуре как влитое, выгодно подчеркивая красивую грудь и тонкую талию.

– Ну как? – Настя сделала замысловатый пируэт, при этом в высоком, до бедер, разрезе соблазнительно мелькнула нога в телесного цвета чулке.

– Прямо дух захватывает! – восхищенно ответил Леша Чистяков, за много лет привыкший видеть свою подругу преимущественно в джинсах, свитерах и кроссовках. – А тебе самой нравится?

– Очень. Спасибо тебе, солнышко.

– Я старался, хотел тебе угодить. Как-никак, такое событие...

Настя, крутившаяся перед зеркалом, остановилась и подозрительно поглядела на Лешу.

– Какое событие?

– Ты в первый раз согласилась поехать со мной на банкет. Согласись, это что-нибудь да значит.

Настя недовольно нахмурилась.

– Ты что же, хочешь, чтобы я поехала в... в этом?

– Ну да. Я это платье купил специально для сегодняшнего вечера.

– Лешенька, милый, – взмолилась она, – я в нем измучаюсь. Целый вечер провести в туфлях на шпильке, следить за осанкой, не иметь возможности сесть так, как хочется, как удобно, – я этого не вынесу. Ну можно, я надену брюки и удобную обувь?

– Ася, но это все-таки банкет! – возмутился Чистяков. – Какие брюки? Ты с ума сошла?

– Я обещаю, брюки будут высший класс, прямо от Кардена. И свитер возьму понарядней. А, Лешик?

Она ласково обняла Лешу и потерлась носом о его плечо. Леша в отчаянии махнул рукой и отвернулся.

– Я так старался... – расстроено проговорил он. – Бегал по магазинам, искал это чертово платье, мечтал, как ты его наденешь. Хотел, чтобы оно было непременно черное, ты ведь любишь этот цвет. И что теперь? Все зря?

Глядя на его огорченное лицо, Настя почувствовала угрызения совести. Он и в самом деле старался, хотел сделать ей подарок, а она... Но, с другой стороны, целый вечер в платье за 600 долларов и в туфлях на высоком каблуке, когда болит спина и отекают ноги, – перспектива не из приятных.

– А что, – решила она внезапно, – может, и в самом деле раз в жизни выйти в свет в приличном виде? Сделаю прическу, нарисую лицо – и вперед.

Леша сгреб ее в охапку и закружил по комнате.

– Аська, ты будешь на этом сборище самая красивая! Все мужики поумирают от зависти ко мне.

Стоя под горячим душем и втирая шампунь в длинные светлые волосы, Настя Каменская думала о том, что приносимая ею жертва была не такой уж большой, если вспомнить, сколько хорошего сделал ей Чистяков за годы, которые они провели вместе. Леша ухаживал за ней, когда она болела, приносил тяжеленные сумки с продуктами, кормил ее вкусными ужинами, безропотно сносил ее категорическое нежелание официально оформить их отношения, терпеливо переживал приступы ее плохого настроения. Неужели за все это он не заслужил

права хотя бы раз появиться на банкете со своей подругой, о которой много лет слышат все его коллеги, но которую никогда не видели?! Над ним уже стали частенько подшучивать: «Что это ты прячешь от общественности свою милицейскую барышню? Может, она у тебя хромая или горбатая?» Конечно, это было бы эффектно: молодой доктор наук, профессор, блестящий математик, лауреат международных премий появляется на банкете под ручку с ослепительной блондинкой! При этой мысли Настя хмыкнула, потом не выдержала и расхохоталась. Она – невзрачная серая мышка с блеклым, невыразительным лицом, и только Лешка со своей трогательной беззаветной любовью может представлять ее красавицей. Хотя, если не лениться и сделать грамотный макияж, она может стать очень хорошенькой, даже красивой, а уж фигурой ее бог и без того не обидел, так что в черном шестисотдолларовом платье...

– Ася, – послышался из-за двери Лешин голос, – тебе Гордеев звонит. Будешь разговаривать, или сказать, что ты перезвонишь позже?

Виктор Алексеевич Гордеев был Настиним начальником, и его звонок в субботу ничего хорошего не предвещал. У нее мелькнула трусливая мысль, что она срочно нужна на работе и это поможет ей в очередной раз отвертеться от ненавистного мероприятия, каковым ей представлялся не только предстоящий банкет, но и вообще любые многочленные собрания и компании.

– Тащи телефон сюда, – крикнула она.

Леша приоткрыл дверь, впустив в наполненную паром ванную струю холодного воздуха, и протянул ей аппарат.

– Настасья, я, кажется, опять испорчу тебе выходные, – раздался в трубке голос Гордеева. – Ты уже слышала про совместное решение коллегий МВД и Генеральной прокуратуры о плохой работе по раскрытию убийств?

– Конечно. Я его даже читала.

Она примостилась поудобнее, чтобы подставить ноющую поясницу прямо под горячую воду.

– Так вот, срочно велено готовить аналитическую справку по нераскрытым убийствам за последние пять лет. Задание понятно?

– Уж куда понятнее, – вздохнула она. – А сроки?

– Как говорится, срок – вчера. Сколько тебе нужно времени?

– Ну, – Настя замялась, – если ничем другим не заниматься, то неделя.

– Ишь ты, – фыркнул Гордеев, – так я тебе и позволил целую неделю ничем другим не заниматься. Значит, так. Справку будешь готовить столько, сколько нужно, но чтобы это был товар, которым можно гордиться. А перед руководством я сам отдуваться буду, если начнут торопить. Только ты излишне-то не затягивай, договорились?

– Спасибо, Виктор Алексеевич. Я буду стараться.

Закутавшись в теплый халат и обмотав мокрые волосы полотенцем, Настя вышла из ванной и тут же увидела стоящего в коридоре Лешу с встревоженным лицом и грустными глазами.

– Опять? – безнадежно спросил он.

Она молча кивнула, внутренне разрываясь между жалостью к нему и отчаянным нежеланием ехать на банкет. Жалость в конце концов победила.

– Предлагаю компромиссное решение, – сказала она. – Мы едем на банкет, на обратном пути заезжаем к тебе домой, забираем твой компьютер и временно ставим его здесь. На пару недель, не больше. Если у меня будет компьютер, я сделаю справку намного быстрее, а без него мне придется садиться за работу прямо сейчас.

– Но как же я без компьютера?.. – растерялся Леша.

– Выбирай: или две недели без компьютера, или сегодня без меня на банкете.

– А я могу эти две недели пожить здесь и работать на компьютере днем, пока тебя нет?

– Конечно, солнышко мое. Заодно будешь ходить в магазин и готовить мне еду.

– Аська, ты корыстна до неприличия. Совершенно непонятно, почему я до сих пор тебя не разлюбил.

– А это потому, что ты ленивый. Влюбиться можно в одну секунду, легко и просто, а вот перестать любить – это адский труд. Почему неразделенная любовь превращается в трагедию? Потому что этот труд далеко не каждому под силу.

Она устроилась на кухне, включила фен и принялась сушить волосы.

– Представь, какие это муки – сознавать, что твоя любовь кому-то мешает, делает кого-то несчастным, и вот ты начинаешь вырывать ее из себя с кровью и мясом и от этого с каждым днем любишь все сильнее и чувствуешь, что сходишь с ума...

Голос ее зазвенел, скулы порозовели, глаза из бледно-серых стали голубыми. Настя поняла, что чрезмерно увлеклась. Вспомнила собственную давно забытую боль и заговорила о ней вслух, да еще при Леше. «Дрянь бессердечная», – мысленно обругала она себя. Но было уже поздно. Леша тоже вспомнил, и ему было, наверное, еще больнее.

– Я сварю кофе, – произнес он деланно безразличным голосом и полез в шкаф за кофемолкой.

Настя с преувеличенной тщательностью сушила волосы, Леша столь же старательно, соблюдая все процедурные тонкости, колдовал над кофе. Разговаривать не хотелось, все и так было ясно.

– Как ты думаешь, какие серьги лучше надеть к твоему платью? – осторожно спросила Настя, когда кофе был выпит, волосы высушены и пора было наконец хоть что-нибудь произвести, чтобы окончательно не увязнуть в неловкой ситуации.

– Решай сама, – сдержанно ответил Леша, избегая встречаться с ней взглядом.

«Так и есть, он расстроился, – подумала Настя. – Природа обделила меня деликатностью, уж это точно. Надо же так неловко себя вести! Сначала не захотела надевать платье, теперь еще разговор этот дурацкий... И как раз в тот день, когда удачно завершился организованный им международный симпозиум, в который он вложил столько сил и нервов. Его во всеуслышание признали родоначальником новой научной школы, которую сегодня представляют его многочисленные ученики, присудили ему очередную невероятно престижную премию, присвоили звание академика какой-то академии... Господи, я даже не помню, что это за академия. Я веду себя совершенно непозволительно. Надо во что бы то ни стало исправлять положение».

На исправление положения ушел почти час, поэтому одеваться и приводить себя в порядок Насте пришлось с рекордной скоростью. Уже в прихожей, взяв сумочку и кинув в зеркало последний взыскательный взгляд, она спохватилась:

– А глаза-то!

– Что – глаза? – не сразу понял Чистяков, который после занятий любовью обычно бывал несколько обалдевшим.

– Линзы забыла вставить, – объяснила Настя, опрометью кидаясь в ванную и доставая контейнер с зелеными контактными линзами. – Серьги же с изумрудами, и глаза должны быть соответствующими. Я макияж под зеленые глаза делала, а не под бесцветно-непонятные. Сейчас, Лешенька, еще полминутки подожди.

Она вышла из ванной, сверкая зелеными кошачьими глазами, изящная и элегантная, с поднятыми высоко на затылок и уложенными замысловатым узлом волосами. Да, Настя Каменская была сейчас очень хороша собой. Она знала, что через полчаса начнут гореть и чесаться покрытые тенями веки, через час отекут и начнут невыносимо болеть ноги, зажатые в узкую колодку модных туфель, а через два часа появится и с каждой минутой начнет усиливаться ощущение, что в глаза насыпали песка, предварительно пропитав его серной кислотой или еще какой-нибудь пакостью, потому что изумрудно-зеленые линзы почти не пропускают кислород. Вечер будет мучительным, но Леша заслужил свой праздник, и он его получит.

2

Лиза выключила утюг и удовлетворенно оглядела выглаженную одежду. Теперь на блузках не было ни единой морщинки.

– Мама, какую блузку ты наденешь? – крикнула она.

В кухню вошла Елена в длинном халате и принялась придирчиво перебирать блузки, аккуратно развешанные на спинках стульев. Статная, слегка располневшая фигура ее никак не гармонировала с осунувшимся, покрытым преждевременными морщинами лицом и странно застывшими тусклыми глазами, принадлежащими, казалось, полусумасшедшей старухе. Она остановила свой выбор на золотистой блузке из плотного хлопка с длинными рукавами и вышивкой на воротничке.

– Остальные повесь в шкаф, – сказала она дочери, выходя из кухни.

Лиза молча пожала плечами, сложила гладильную доску и, осторожно собрав блузки, чтобы не измять их, начала развешивать в шкафу. Она не одобряла выбор матери. Блузка с вышивкой была нарядной, и это означало, что Елена все-таки считает сегодняшний день не обычным субботним днем.

– Сегодня вторая годовщина нашего первого праздника, – торжественно заявила она утром, открывая банку с красной икрой и намазывая бутерброды к завтраку. – Я надеюсь, что и следующий праздник не заставит себя ждать.

Лиза заметила, как при этих словах отец вздрогнул и побледнел. В глубине души она была согласна с матерью, но отцу такие разговоры всегда были неприятны, и девушка искренне ему сочувствовала. Конечно, мать права во всем, ее требования абсолютно справедливы, и отец неукоснительно их выполняет. Но Елене все же следовало бы быть поделикатней и считаться с тем, что мужа коробит такая демонстративная поза. Теперь вот мать выбрала на вечер нарядную блузку, и если на завтрак была икра, то на ужин – непременно что-нибудь праздничное, чтобы никто в семье не забыл об этой «второй годовщине». Может быть, мама даже будет улыбаться, и отец ляжет спать в ее комнате, а не в кабинете, как обычно.

– Лиза, ты сегодня проветривала Андрюшину комнату? – раздался голос Елены.

– Да, мама.

– И пыль протерла?

– Да, я все сделала, не беспокойся.

– Я уйду, – сообщила Елена, заглядывая на кухню, где дочь мыла посуду. – Схожу к крестной, свечку поставлю в честь праздника. Я ненадолго.

– За меня тоже поставь, хорошо?

Когда за матерью захлопнулась дверь, Лиза отошла от раковины с немытой посудой, не выключив воду, наспех обтерла мокрые руки полотенцем, открыла окно и вытащила из кармана сигареты. Мать категорически запрещала курить в квартире, но одеваться и выходить на лестницу Лизе не хотелось. Хотя было уже далеко за полдень, она так и ходила по квартире в пижаме, немытая и непричесанная. Боже мой, во что же превратилась ее жизнь! Ей уже двадцать пять лет, и нет ни интересной работы, ни любви, ни друзей. Только безграничная ненависть и неутолимая жажда мести царят в ее душе. И еще горькие сожаления о несбывшихся надеждах, связанных с братом. Ах, Андрюша, Андрюшенька...

Лиза швырнула в пепельницу недокуренную сигарету и горько зарыдала.

3

Игорь Ерохин любил московское метро. Но еще больше он любил его в час «пик», потому что непрерывный и хаотичный поток людей почти исключал возможность напороться на кого-нибудь знакомого, а если такое и случится, то затеряться в толпе и исчезнуть не составляет ни малейшего труда.

Он занял отведенное ему место, с которого хорошо просматривалась скамейка возле лестницы, ведущей на переход к другой станции. Возле этой скамейки и должна состояться встреча, которая займет всего несколько секунд и принесет полмиллиона долларов. Его, Игоря, доля составит всего двадцать тысяч из этого полумиллиона, но это, во-первых, справедливо, а во-вторых, очень даже неплохо, если учесть, что встреча эта далеко не первая и, бог даст, не последняя. Как гласит поговорка, лучше сорок раз по разу, чем ни разу сорок раз.

До встречи оставалось еще несколько минут, и Игорь привычно оглядел переполненную пассажирами платформу. У колонны напротив он увидел парня с нарочито безразличным выражением лица, еще один фланировал в толпе вдоль платформы. Все на месте, констатировал он, сейчас появится Артем, а еще через десяток секунд подойдет Джонни. Вообще-то имя американского контрагента было Игорю неизвестно, но, поскольку на встречу каждый раз приходили разные люди, он про себя называл их обобщающим именем «Джонни».

Несмотря на толпу, Артема он увидел издалека. Одетый в неприметный светло-коричневый плащ, какие носят тысячи москвичей, Артем не торопясь подошел к скамейке, поставил на нее кейс, открыл его и начал что-то искать. Неловкое движение – и содержимое кейса оказалось на полу. Артем неуклюже нагнулся и начал собирать рассыпавшиеся ручки, какие-то бумаги в тонких пластиковых папочках и прочее барахло. У него обожжена левая рука, поэтому он не вынул ее из кармана, чтобы не привлекать внимания некрасивой толстой повязкой. Какой-то человек, проходя мимо, нагнулся и подал Артему откатившуюся в сторону зажигалку. Артем вежливо улыбнулся и благодарно кивнул. Все. Встреча состоялась.

И в этот момент произошло непредвиденное. Прямо в момент контакта рядом с Артемом и Джонни остановилась какая-то девица и буквально впилась глазами в их руки, а потом медленно перевела взгляд на лицо Артема. Игорь напрягся. Девица прошла мимо, но Артем сделал едва заметное движение, и Ерохин понял, что девицу заметили. Он медленно, словно нехотя, отлип от стенки, на которую облакачивался, и пошел следом за ней.

Девица поднялась по лестнице и отправилась по переходу на другую станцию. Игорь шел сзади, не выпуская ее из виду. Краем глаза он увидел сбоку Сурика, который во время встречи прогуливался вдоль платформы. Значит, Артем был всерьез обеспокоен и на всякий случай послал вслед за девицей второго человека. Девица шла быстро, но спокойно, не оглядываясь. Когда она сошла с эскалатора и повернула к платформе, как раз подошел поезд, но она почему-то не села в него, а остановилась и принялась рыться в сумочке. Поезд отошел, и Игорь заметил, что, кроме девицы, Сурика и его самого, на пустой платформе стоит еще один тип. Тип этот Ерохину сразу не понравился. Бледный, темноволосый, с напряженным лицом и с книжкой в руках, он стоял довольно далеко от девицы и внимательно на нее смотрел.

Платформа мгновенно заполнилась людьми, и подозрительный тип стал потихоньку приближаться к девице, стараясь не попадаться ей на глаза. Подъехал следующий поезд, и в тот момент, когда она вместе с толпой пассажиров входила в вагон, мужчина с книжкой подошел к ней сзади вплотную. Девица обернулась и что-то коротко сказала ему, лицо у нее при этом было искажено от ярости. Мужчина вошел вместе с ней в вагон и принялся протискиваться вправо, поближе к другой двери, а девица встала в уголок, достала блокнот, ручку и стала что-то быстро записывать, иногда бросая злые взгляды на мужчину с книжкой. Игорь обернулся и,

увидев напарника, слегка кивнул ему. Подозрительный тип вышел на следующей остановке, и Сурик отправился за ним, а Ерохин остался в вагоне с девицей.

Интересно получается, размышлял он, разглядывая ее сбоку. Она работает не одна, а вместе с этим любителем чтения. Книголюб, видно, нарушил инструкцию, подошел к ней слишком близко, наверное, хотел что-то сказать, а она ему объяснила, что он не прав. Резкая особа, ничего не скажешь, похоже, он у нее в подчинении. И что это она там записывает? Ладно, разберемся. Знать бы, из ментовки она или нет. Если нет, тогда, значит, это конкуренты шустрят. Тоже хотят свой товар американским Джонни толкнуть, только найти таких Джонни – труд немалый. Артему это удалось, так ведь на то он и Артем, головастый мужик и языки иностранные знает как родную речь. А конкуренты не знают, где им с хитрыми Джонни познакомиться, вот и пытаются наши контакты нащупать. Хрен им.

Девушка вышла на «Таганской-радиальной» и, сойдя с эскалатора, подошла к милиционеру, дежурившему в метро. Она сказала ему несколько слов и протянула клочок бумаги, который выдернула из блокнота еще в вагоне. Игорь похолодел. Неужели все-таки ментовка? Милиционер сунул записку в карман и лениво кивнул ей.

Ерохин вышел следом за ней на улицу. Девушка огляделась и побежала к стоящей у обочины машине. Запомнив номер, Игорь вернулся в метро и кинулся к телефону-автомату.

– Она уехала на машине, но перед этим передала милиционеру какую-то записку, – сообщил он. – С ней был второй человек, я его вовремя заметил и послал за ним Сурика.

– Записку раздобудь во что бы то ни стало, – услышал он в ответ. – Крутись как хочешь, но достань ее, пока она не ушла дальше.

Стоя возле кассы, Игорь наблюдал за милиционером и раздумывал, как бы раздобыть эту проклятую записку. Милиционер стоял спокойно, судя по всему, он и не собирался куда-то немедленно бежать и передавать сообщение. Наверное, к нему должны за запиской прийти. Нужно поторопиться, пока этого не случилось. Что же предпринять? Может, подойти к нему и изобразить сердечный приступ? Облокотиться, обхватить его покрепче и вытащить бумажку из кармана? Нет, не пройдет. Для этого нужно быть профессиональным «щипачом», карманником, иметь навык. У Игоря такого навыка не было. Что же еще придумать? Прикинуться человеком, которому предназначена записка? Рискованно. Можно не попасть «в масть», и выйдет только хуже. А если проще? Паренек-то, судя по рожице, совсем зеленый, неопытный, дурачок еще. Значит, нищий. Чего ему с мизерной ментовской зарплаты ловить? Вон щечки какие розовые, поди, бриться-то начал только позавчера. Долларов пятьсот у Игоря с собой есть, против такой суммы этот козленочек не устоит.

Игорь быстро вышел на улицу и осмотрелся. Прямо у метро начиналась огороженная стройка. Ворота, естественно, были заперты, но он без труда обнаружил оторванную доску – лаз на закрытую территорию. Он вернулся в метро и торопливо подошел к молоденькому милиционеру.

– Товарищ сержант, – взволнованно заговорил Ерохин, – там на стройке, кажется, человека убивают. А на улице ни одного работника милиции! Пожалуйста, пойдете со мной.

Милиционер поверил сразу, Игорь даже не ожидал, что все так легко получится, и готовился долго уговаривать его.

– Где? – спросил милиционер, глядя на внушительный замок на железных воротах.

– Там доска оторвана, можно пролезть, – Игорь показал рукой вправо и потащил его за рукав.

Милиционер пролез на территорию стройки первым, и, когда протиснувшийся в щель плечистый Ерохин встал рядом с ним, сержант недоуменно обернулся:

– Здесь никого нет, вам, наверное, показалось.

– Послушай, сержант, – Игорь без лишних слов достал из кармана бумажник и вытащил из него пять стодолларовых банкнот, – это – тебе.

– За что? – изумился сержант, но глаза его вдруг стали колючими.

– У тебя в кармане лежит бумажка. Отдай ее мне, и ты меня никогда не видел. Идет?

– Гражданин! – Голос милиционера вмиг стал звонким и злым. – Предъявите-ка ваши документы.

– Да ты чего, сержант? Пятьсот долларов. Ты хоть понимаешь, что это такое? Где ты столько заработаешь за пять минут? Никто никогда не узнает, а у тебя в кармане – два миллиона рублей. На, держи! Давай сюда записку, и разойдемся по-быстрому.

Игорь понимал, что все срывается, но все еще пытался спасти положение, надавить на паренька, взять его напором, нахрапом, не дать опомниться, оглушить невиданной суммой, соблазнить легким заработком. Он не мог допустить мысли, что из-за упрямства какого-то мальчишки он потеряет свои деньги. Деньги-то огромные, дважды в месяц – по двадцать тысяч баксов. Но будет еще хуже, если он не выполнит задание, потому что его доля – одна из самых маленьких, и те, кто дважды в месяц получает в десять раз больше, ошибку ему не простят.

– Пройдемте, гражданин, – строго сказал сержант, и в руке его непонятно откуда оказался пистолет.

– Ну и зря! Потом пожалеешь, – спокойно ответил Ерохин, поворачиваясь к нему спиной и протягивая руку к болтающейся на гвоздях доске, чтобы вылезти наружу.

Это был один из знаменитых финтов Игоря Ерохина. Мгновение – и пистолет сержанта был уже у него.

– Еще раз предлагаю, паршивую бумажку за пятьсот долларов, – угрожающе сказал он, прижав ствол к милиционерскому кителю прямо возле сердца. Паренек оказался притиснутым к забору, мощная рука Игоря держала его за горло. Он попытался вырваться, и в эту секунду прямо рядом со стройкой загрохотал тягач.

«Черт с тобой», – в отчаянии подумал Ерохин и нажал на спусковой крючок. Выстрела никто не услышал.

Он ловко обшарил карманы упавшего на землю сержанта и вытащил записку. На сложенном в четыре раза листочке в школьную клеточку было записано:

«Мужчина лет 35-38, рост примерно 180 см, светло-коричневый плащ, левую руку держит в кармане».

Значит, девица засекла Артема. Хорошо, что эта записка не ушла дальше.

Игорь аккуратно обер пистолет носовым платком, вынутым из кармана мертвого сержанта, и, держа за ствол, всунул ему в руку.

4

Сурен Удунян – приятели звали его попросту Сурик – широко открыл свои удивительные глаза, придававшие его лицу по-детски невинное выражение.

– Я же не собирался его убивать, – произнес он тоном незаслуженно обиженного ребенка. – Может, он и не умер вовсе, просто потерял сознание.

– Ты сам сказал, что этот мужик умер, – недовольно возразил Артем Резников, машинально поглаживая повязку на левой руке. Обваренная крутым кипятком кисть все еще болела, но он старался не обращать внимания на боль.

– Ну, мне так показалось, – невозмутимо сказал Сурик, еще шире распахивая огромные миндалевидные глаза, при этом концы длинных густых ресниц почти коснулись красиво очерченных бровей. – Я же не доктор, мог и ошибиться. Пульса вроде не было.

– Вроде, вроде, – передразнил его Артем. – Ты что, сильно ему врезал?

– Да не бил я его. Зачем мне? Все как обычно: подошел сзади, схватил за шею одной рукой, другой залез в карман, а ногой в это время подсечку сделал. Все тихо и без звука, прием отработанный. А он как-то странно всхлипнул и обмяк. Кто его знает, может, и не помер.

Сурик медленно опустил веки, словно притушив льющийся из глаз мягкий свет, делающий лицо чистым и добрым. Губы сжались, четче обозначились складки в углах рта. Теперь перед Артемом сидел циничный и безжалостный убийца.

– Ты что-нибудь взял у него?

– Зачем мне? – не поднимая глаз, повторил Сурик свою излюбленную фразу. – Место хорошее, тихое, кругом ни души, темно, поздно. Документы быстренько переснял и на место положил.

– Наследил, поди?

– Не маленький. – Ресницы снова взметнулись вверх, лучистые светлые глаза глянули с обидой.

– Ладно. Так что в документах интересного?

– Беркович Станислав Николаевич, 1957 года рождения, москвич, холост, заведующий лабораторией в каком-то хитром КБ, какой-то цветмет, хрен поймешь!

– Козел, – злобно процедил сквозь зубы Артем. – Запомнить не мог?

– Зачем мне? – спокойно пожал плечами Сурик. – Фотографии я тебе принес, сам читаешь.

– Давай сюда, – протянул руку Артем.

– Сейчас, спешу и падаю.

– Чего ты хочешь?

– Извинений хочу, Артем-джан, – протянул Сурик противным елейным голоском, нарочито утрируя акцент.

– За что? – изумился Артем.

– За «козла», Артем-джан, за «козла». Я у тебя за работу деньги получаю, а не за то, чтобы оскорбления выслушивать. За оскорбления плата по отдельному тарифу.

Ресницы Сурика опустились вниз, и снова Артем увидел перед собой страшное холодное лицо.

Сидящий справа от Сурика Игорь Ерохин молча жевал свой шашлык, с интересом наблюдая за собеседниками. Сразу видно, что Артем – из фраеров, на зоне не был, нар не нюхал, и дружки у него, видать, всю жизнь были из «чистеньких». Нельзя «козлом» обзывать, нехорошо это, за «козла» ведь и ответить можно. Вон Сурик-то сразу отреагировал, хорошо еще, что в руках умеет себя держать, сидит спокойно, улыбается. Другой на его месте уже вскочил бы, стол опрокинул, нож выщелкнул да заорал: «За козла ответишь!»

Игорь понял, что пора вмешаться. Артем явно не врубается в ситуацию, а Сурик не отступит, хоть и знает, что Артем с блатными порядками незнаком, но гонор в заднице играет. Ерохин резко поднял руку, подзывая официанта.

– Замени, будь добр, две порции, остыли уже.

– Слушаюсь, – кивнул официант. – Вам тоже принести?

– Шашлык не хочу. Принеси что-нибудь легкое, рыбу или овощи.

– Сейчас сделаю, – официант почти бегом помчался выполнять заказ. Эти трое были постоянными клиентами, им грех не угодить, тем более что «сверху» дают почти полсчета.

Игорь глянул на часы.

– Сурик, проверь, пожалуйста, на входе, там человек должен дожидаться.

Удунян молча поднялся и пошел через весь зал к выходу. Резников проводил его задумчивым взглядом и повернулся к Игорю:

– Что скажешь?

– Придется извиняться, Артем. «Козлами» на зоне «опущенных» называют.

– Кого называют? – не понял Резников.

– Тех, кого насильно «опустили». В смысле изнасиловали. Это очень серьезное оскорбление. Сурик теперь должен либо согласиться, если это правда, либо смыть обиду кровью. Третьего не дано. Ты же не хочешь, чтобы он кровью доказывал, что ты не прав, верно? Твоей, между прочим, кровью, – деловито пояснил Ерохин, дожевывая шашлык и отодвигая тарелку.

– Ну и порядочки у вас, – покачал головой Артем, слегка поморщившись от боли в обожженной руке. – Но здесь же не зона все-таки...

– Вот именно, – кивнул Игорь. – Поэтому Сурик готов снять конфликт, если ты всего лишь извинишься.

Вернулся Сурик, молча положил перед Игорем сложенный листок бумаги и так же молча уселся на свое место, выжидаяще глядя на Резникова своими ясными глазами.

– Извини, Сурен Шаликоевич, – примирительно сказал Артем. – Я сказал это по глупости, без злого умысла, обидеть тебя не хотел. Игорь мне объяснил, что я нанес тебе страшное оскорбление, и я беру свои слова назад. Еще раз прошу прощения.

«Молодец», – удовлетворенно подумал Игорь. Резников чем дальше, тем больше нравился ему. Человек видит цель и идет к ней размеренно и аккуратно, строго по графику, с соблюдением мер предосторожности, но без излишней перестраховки, и на пути к этой цели не тратит силы на то, чтобы доказывать кому-то свою правоту и выставлять свой гонор против чужого. Спокойно, вежливо и с достоинством извинился перед приклатненным сопляком, хотя Сурик со всеми своими потрохами плевать его не стоит.

Выслушав извинение, Сурик слегка улыбнулся, достал из кармана конверт и положил на стол перед Артемом. Тот быстро просмотрел снимки, нахмурился, но ничего не сказал.

– Что у тебя? – повернулся он к Игорю, показывая глазами на принесенный Суриком листок.

– Сведения о хозяине машины, на которой уехала девица.

– Итак, посмотрим, что мы имеем. В момент встречи нас засекает некая женщина, работающая в паре с человеком, который заведует лабораторией в интересующей нас отрасли науки и техники. Женщина записывает мои приметы и передает их работнику милиции, который по глупости, нерадивости или по счастливой случайности никому записку не отдает. Милиционера этого больше нет, – он бросил быстрый взгляд на Ерохина, – заведующий лабораторией Беркович – под вопросом. Я пошлю кого-нибудь по его адресу, пусть выяснит, жив ли он. Остается женщина, о которой мы ничего не знаем, но которую можем попробовать найти через владельца машины, на которой она уехала. Судя по всему, у нас действительно появились потенциальные конкуренты, то есть люди, у которых есть такой же товар, как и у нас. Они хотят его хорошо пристроить, но не знают, где и как найти покупателя, поэтому пытаются

выследить нас и наших контрагентов, чтобы сдать нас ментуре и занять наше место. Женщина эта работает либо на них, либо на ментов, либо на тех и других одновременно. Менты тоже кушать хотят, они вполне могли впрячься в одну телегу с нашими конкурентами. Нас уберут, а потом будут делить навар с продажи. Логично?

Артем говорил неторопливо, тщательно выстраивая фразы и проговаривая их до конца, не обрывая на середине, не теряя, как это часто случается, сказуемое и не забывая согласовывать падежи. Игорь и Сурик слушали его, не перебивая, им всегда интересно было следить за рассуждениями Артема, когда у них на глазах разрозненные факты складывались в четкую и понятную картинку. Хоть Артем и фрэер, но голова у него варит – дай Бог каждому.

– С учетом того, что на нас теперь милиционер, а возможно, и Беркович, предлагаю на время утихнуть. Надеюсь, покупатели отнесутся к нашим трудностям с пониманием. С сегодняшнего дня все внимание нужно сосредоточить на этой женщине из метро, чтобы понять, кто является нашим конкурентом. А дальше решим, как действовать.

Глава 2

1

Настя Каменская с любопытством разглядывала своего гостя. Надо же, думала она, единокровный братец пожаловал, не иначе – влип в какую-нибудь историю. Он, кажется, руководит акционерным обществом, чуть ли не президентом является, из молодых бизнесменов, стало быть. Наверняка какая-нибудь гадость с невозвращением кредитов или вымогательством.

Настины родители развелись, когда ей только-только исполнился год. Нового мужа матери она искренне и горячо полюбила, называла папой, со своим родным отцом периодически перезванивалась, а встречалась лишь изредка. Когда у отца во втором браке родился сын Саша, Насте было восемь лет, никакого интереса к брату она не испытывала и никогда его не видела, справляясь о нем у отца исключительно из вежливости. И вдруг сегодня он позвонил и попросил разрешения прийти.

Высокий худощавый блондин с бесцветным невыразительным лицом, светлыми глазами и рыжеватыми усами, одетый в дорогой костюм-тройку, он выглядел уверенным в себе и благополучным. И еще – богатым. Насте было жаль тратить на него время, уже две недели она корпела над анализом нераскрытых убийств, работа шла неровно, то и дело стопорясь, и визит родственника казался ей неуместным и заранее раздражал. Но она понимала, что отказать нельзя: может быть, ему действительно нужна помощь. Брат все-таки, хоть наполовину и не родной, но на другую-то половину единокровный.

– А мы с тобой здорово похожи, – улыбнулась она, стараясь сгладить неловкость первых минут. – Оба в отца, наверное. Ты, правда, помоложе. Тебе двадцать шесть уже исполнилось?

– В прошлом месяце, – кивнул Александр.

– Женат?

– Да, уже четыре года скоро.

– Дети есть?

– Девочка, Катенька, – ласково произнес он, и стало сразу понятно, как сильно любит он свою Катеньку.

– Саша, ты извини, но у меня со временем туговато, поэтому давай сразу к делу перейдем, ладно? – предложила она без обиняков, сочтя, что реверансов уже, пожалуй, достаточно.

– Да, конечно, конечно.

Саша вдруг умолк, явно не зная, как начать. Пальцы его нервно пробежали по галстуку, задержались на пуговицах пиджака и замерли.

– Так какие у тебя проблемы?

– У меня есть девушка, – вдруг выпалил он.

– И что?

– Мне кажется, что с ней не все в порядке.

– В каком смысле? – нахмурилась Настя, приготовившись выслушать какую-нибудь душеспитательную глупость, не имеющую никакого отношения к милицейским заботам.

– Лучше я начну с самого начала. Мы с ней познакомились примерно два месяца назад. А в последнее время у тех людей, у которых мы бывали вместе, начались неприятности. И я боюсь, что это из-за нее.

– Нет, дружок, начать с начала ты не сумел, – усмехнулась Настя. – Давай-ка я попробую. У твоей девушки есть имя?

– Даша. Сундиева, – уточнил он.

- Возраст?
- Девятнадцать. Скоро двадцать исполнится.
- Чем занимается?
- Она продавщица в магазине «Орион», в секции женского платья. И учится в Гуманитарном университете, хочет стать визажистом.
- Ух ты! – хмыкнула Настя. – Очень модная специальность. Где ж ты с ней познакомился?
- В магазине. Покупал костюм для жены...
- Банально до зубной боли, – прокомментировала она. – Дальше как события развивались?
- Как обычно. Пригласил пообедать, на другой день – поужинать...
- Ну да, а на третий день – вместе проснуться и позавтракать. Ты сразу начал водить ее в гости к своим друзьям?
- Да нет, недели через две-три, пожалуй.
- А почему не сразу? – поинтересовалась Настя, выключая чайник и открывая банку с кофе.
- Выжидал, хотел быть уверен, что через день-два это не кончится. Не люблю, когда мои приятели говорят, что меня бросила очередная красотка.
- А она – красотка? – уточнила Настя, разрезая пакет с печеньем. За стеной, в комнате, послышалось жужжание работающего принтера. Лешка занял компьютер, работает, а она тратит время на какие-то бредни. Не любит он, видите ли, когда его красотки бросают! Не заводи шашни с красотками, тогда и бросать не будут.
- Даша очень красивая, – спокойно ответил брат, не обращая внимания на Настин саркастический тон.
- Сделай привязку к календарю, – попросила она. – Когда вы познакомились?
- В конце августа.
- А точнее?
- У жены день рождения 23-го. Значит, числа 19-го или 20-го.
- Когда в первый раз пошли в гости к твоим друзьям?
- Ну... Где-то в середине сентября.
- «Где-то» меня не устроит. Давай точнее. Почему вообще ты решил повести ее в гости?
- Когда мы встретились в тот день, оказалось, что квартира, на которую я рассчитывал, занята. Деваться было некуда, и я позвонил приятелю, напросился на кофе.
- Приятель-то деликатный оказался?
- Конечно.
- Саша ничуть не смутился. Он вел себя словно на приеме у врача, когда ни в одном вопросе не видишь ничего стыдного или неприличного.
- Телевизор включали, пока пили кофе в гостях?
- Да, у них телевизор на кухне стоит.
- И что показывали?
- Не помню. Фильм какой-то, кажется.
- Какой фильм? – допытывалась Настя. Она и сама не могла бы сказать, почему вдруг проявляет такую дотошность. Пока что она не видела никакого криминала, но что-то подсказывало ей, что даже такой ерундой, как любовные переживания брата, нужно заниматься на совесть.
- Не помню я, какой был фильм. – Саша пожал плечами. – Мы же его не с начала смотрели, да и вообще не смотрели, а разговаривали.
- Постарайся вспомнить что-нибудь, актера или хотя бы реплику.
- По-моему, там играл Бельмондо, – неуверенно произнес Саша. – Что-то комедийно-детективное.

– Ясно. Подожди, я сейчас.

Настя вышла в прихожую, достала с антресолей ворох газет и притащила их в кухню.

– Разбирай, – бросила она, плюхаясь на табуретку. – Ищи телевизионные программы за сентябрь.

Минут через 15 они установили, что первый совместный визит Александра Каменского и Дарьи Сундиевой в гости состоялся 14 сентября.

– Так, и что же было дальше? – устало спросила Настя, которой надоело исполнять сестринский долг.

– Потом мы еще несколько раз ходили к моим знакомым. И у них начинались неприятности.

– Какого рода неприятности?

– Кражи, – тихо ответил Саша, глядя куда-то в сторону.

– Конкретнее, пожалуйста, – в Насте вмиг проснулся охотничий инстинкт.

– Один из них пришел с работы, а дверь в квартиру взломана.

– Что пропало?

– Вроде ничего.

– Как это? – вскинулась Настя. – Совсем ничего?

– Документы, но их на другой день вернули. Подбросили в почтовый ящик.

– Милицию вызывали?

– Нет, зачем? Ничего же ценного не пропало. Дверь только испорчена. А с милицией хлопот не оберешься. Извини, – спохватился он.

– Чего там, – она махнула рукой. – Я сама в прошлом году пришла домой, а дверь открыта. Тоже не стала милицию вызывать, и по тем же соображениям.

– Да ты что?! И тебя обокрали?!

– Нет, меня шантажировали. Не отвлекайся, Саша, рассказывай дальше.

– Ну... Потом другого моего знакомого ограбили прямо в подъезде.

– Что-нибудь взяли?

– Только документы. И тоже на другой день вернули.

– Замечательно! – Настя отчего-то развеселилась. – Давай дальше.

– Потом еще одного ограбили, а у четвертого – снова квартирная кража.

– И у всех брали документы и на другой день подбрасывали?

– У всех. Вот я и боюсь, что Даша – наводчица. Только она работает не на воров, а на каких-то мафиози, которым нужны поддельные документы. Они высматривают людей с подходящими данными, потому что документы слесаря дяди Пети им сто лет не нужны для их махинаций. А среди моих знакомых большинство – предприниматели, банкиры, биржевики, короче, финансово-кредитная публика.

«А ведь прав братишка, – подумала Настя. – Пользоваться краденными документами опасно, хозяева обращаются в милицию и в ГАИ за новыми, а похищенные ставят на учет. Гораздо безопаснее сделать копию. Документ в розыске не числится, номера настоящие, бумага и печати – комар носа не подточит, сейчас мастера на все руки есть, такие умельцы, что Монетному двору и не снилось. И имя в документе настоящее, только фотография другая. Случись проверка – полный порядок, паспорт или водительские права именно с этой серией и этим номером выданы там-то и тогда-то именно такому-то гражданину. Все как в аптеке. Не исключено, что красавица Даша связана с группой, у которой изготовление «липы» поставлено на поток. Преступный промысел переходит на узкую специализацию, как у Райкина».

– Сколько раз вы вместе ходили в гости? – спросила она, наливая себе вторую чашку кофе. Стоявшая перед братом чашка с чаем оставалась нетронутой. Несмотря на внешнюю уверенность в себе и спокойствие, разговор давался ему нелегко.

– Шесть раз.

- Ты точно помнишь?
- Настя, я ведь не сразу к тебе побежал. Я долго прикидывал, перебирал в памяти, сомневался. Получается, что мы приходили в гости, а через 2 – 3 дня – кража или ограбление.
- Вы были у шести разных хозяев?
- Да, мы ни в одном месте по два раза не были.
- А кражи, значит, только у четырех?
- У четырех, – подтвердил Саша.
- А почему? Есть какое-нибудь объяснение?
- Сам не понимаю.
- Когда была первая кража?
- 4 октября, во вторник. Перед этим мы в субботу, 1-го числа, были в гостях, а во вторник хозяев обокрали.
- А те, у кого вы бывали раньше, до 1 октября, не пострадали?
- В том-то и дело, что нет. Мы в сентябре были у двух моих друзей, и у них все в порядке. Все началось только в октябре. Вот я и думаю, что сначала она просто присматривалась к кругу моих знакомых, пока не убедилась, что это подходящие кандидатуры для копирования их документов.
- А ты сам веришь в это? Логика – это хорошо, но сердце-то что-нибудь подсказывает?
- Саша надолго умолк, сосредоточенно размешивая сахар в чашке с остывшим чаем.
- Мне трудно судить, Настя, – осторожно начал он. – Даша – она необыкновенная. Это словами не выразить. У меня даже язык не поворачивается сказать ей про эти кражи. Это все равно что купить букет свежих цветов и тут же выбросить их на помойку. Нелепо и жестоко. Это то, что говорит сердце. А ум говорит несколько иное.
- Что, например?
- Зачем я ей? Я далеко не красавец и не супермен. Завидным любовником я не являюсь ни с какой стороны. Деньги у меня, правда, есть, и немалые, но Дашка этих денег не видит и никакого навару с них не имеет. Как возможного супруга она меня рассматривать не может, потому что разводиться я не намерен ни при каких условиях, и она прекрасно это знает. Так зачем я ей? Поэтому я вынужден думать, что у нее есть какой-то корыстный интерес.
- А любовь? – насмешливо спросила Настя. – Про любовь ты забыл?
- Любовь? – Он озадаченно посмотрел на сестру и вдруг расхохотался. – Да разве меня можно любить? Ну, ты и скажешь, сестренка! Меня в жизни никто никогда не любил, с детства дразнили белобрысым придурком или белесым чучелом, а еще крысенком и бледной спирохетой. Я некрасив, и у меня отвратительный характер. Я всегда покупал себе женщин, начиная с самой первой, с которой лишился невинности. Меня и жена не любит. Она прекрасно ко мне относится, мы с ней друзья, но она меня не любит. Она выходила замуж за деньги и перспективы, а не за меня.
- Зачем же ты на ней женился?
- Я не женился. Я купил себе мать своего будущего ребенка. И благодарен судьбе за то, что она стала не только матерью моей девочки, но и моим другом. Я на это даже не рассчитывал.
- Погоди, но ты же сказал, что на Дашу денег не тратил. Значит, ее-то ты не купил?
- Я пытался, как обычно, делать ей подарки, разумеется, дорогие, но она отказывалась. Это как раз меня и настораживает. Что ей от меня нужно?
- Бред какой-то, – в сердцах сказала Настя. – Ты несешь абсолютную чушь. Почему тебя нельзя любить? Потому что ты сам это придумал? Наговариваешь на себя и на девочку черт знает что.
- А кражи? – тоскливо спросил Саша. Было видно, что ему самому мутно от своих подозрений.

– Да, кражи, – задумчиво произнесла Настя. – О кражах надо подумать. Давай-ка я посмотрю на твою красавицу сама. Она завтра работает?

– Во вторую смену, с трех до восьми. Где магазин, знаешь?

– Знаю. Ты ей про меня не рассказывал?

– Нет.

– Ладно, завтра схожу.

Саша неожиданно улыбнулся и вытащил бумажник.

– Возьми деньги, – он протянул ей пачку купюр в банковской упаковке.

– Это еще зачем? – удивилась Настя.

– купишь себе что-нибудь для виду. Там все очень дорого.

«И то верно, – подумала она. – Чтобы присмотреться к этой Даше, нужно перемерить не меньше десятка платьев. А если после всех этих мучений ничего не купишь, это может показаться подозрительным. Братец-то у меня далеко не дурак. Хотя и с огромным тараканом в голове».

Закрыв за Сашей дверь, Настя вошла в комнату, где Леша сосредоточенно работал на компьютере.

– Знаешь, Лешик, у меня очень любопытный родственничек, – сказала она, подходя и обнимая его за плечи. – Он считает, что его нельзя любить.

– Да? – рассеянно отозвался Чистяков, не прекращая работу. – И почему же?

– Он некрасивый, и у него плохой характер.

– И только-то? Бедолага, знал бы он, какой характер у его сестры! И ведь нашелся идиот в моем лице, который ее любит. Тебе место освободить? Я уже заканчиваю.

– Спасибо, Лешенька. А что у нас на ужин?

– Там, по-моему, еще котлеты остались.

– А по-моему, мы их уже доели, – усомнилась Настя.

– Все. – Леша закончил программу и вышел из-за стола. – Садись, светоч борьбы с убийствами. Я наконец понял, почему ты не выходишь за меня замуж.

– Почему? – полюбопытствовала она, отыскивая свою директорию в компьютере. – Скажи, я хоть знать буду.

– Потому что ты ленивая и нехозяйственная. Пока я прошу твоей руки, а тому без малого полтора десятка лет, я от тебя якобы зависим, и ты помыкаешь мной как хочешь. Если я на тебе женюсь, то обрету свободу и независимость, а кто будет тебя, поганку, кормить?

– Если не будешь кормить, я с тобой разведусь, – пообещала Настя, рисуя на экране таблицу.

– Да куда тебе! Разведется она, – проворчал Чистяков, собирая со стола свои записи. – Тебе даже бутерброд сделать лень, не то что разводиться.

2

Дмитрий Сотников с улыбкой смотрел на семерых ребяташек, старательно рисующих натюрморт. Хотя они и одаренные дети, но все равно – дети, непосредственные, непоседливые, ужасно забавные. Дмитрий любил своих учеников, он вообще любил детей и ни за что не согласился бы взять группу подростков постарше. В художественной школе, которая в последний год приобрела пышное название Академии искусств, он работал больше десяти лет, и за все эти годы у него в группе не было ни одного старшеклассника.

Общение с детьми всегда радовало его, но сегодня к концу занятий легкий, радостный настрой постепенно стихал, уступая место смутному недовольству. Конечно, промелькнула мысль, сегодня же четверг, сегодня придет Лиза. Опять будут воспоминания, разговоры об Андрее, слезы, потом обязательные, как кофе к завтраку, занятия любовью. Все это будет тягостно, но утешает хотя бы то, что Лизе станет немного легче. Совсем чуть-чуть, но легче.

Закончив занятия и отпустив учеников, Сотников отправился домой, заходя по дороге в магазины за продуктами. Лиза придет, как обычно, в восемь, до этого он хотел успеть сделать уборку в квартире и поужинать. Лиза никогда не садилась за стол вместе с ним, и если он не успевал поест до ее прихода, то приходилось терпеть голод, пока она не уйдет.

Дома Дмитрий с тоской оглядел свое неухоженное жилище. Холостяцкая жизнь художника наложила свой отпечаток на всю квартиру, начиная от немытых стекол и кончая кастрюлями с отломанными ручками. Он изо всех сил старался поддерживать чистоту, регулярно мыл полы и вытирал пыль, но до мытья окон руки все не доходили, а уж про приобретение новой посуды и ремонт подтекавшего крана в ванной он и не помышлял.

Лиза пришла вскоре после того, как старинные часы на стене пробили восемь. Последние девять лет она ходила только в черном, вот и сегодня на ней были надеты черные брюки и черный свободный свитер. Дмитрию не нравился этот затянувшийся траур, к тому же глаз художника, требовательный к гармонии цвета и формы, видел, что черное ей совсем не идет. Статная, широкая в кости, с темно-русыми волосами и серыми глазами, спортивной подтянутой фигурой, она могла бы лучиться здоровьем и смехом, и ей как нельзя лучше подошли бы белые джинсы и яркая майка с веселым рисунком. Но вместо этого Лиза упорно носила траур, редко улыбалась, а скорбное выражение, казалось, навсегда прилипло к ее лицу.

– Как провела день? – спросил Дмитрий, пристраивая Лизину куртку на вешалку в прихожей.

– Нормально. Была на кладбище, вымыла памятник, положила цветы.

– Когда ты выходишь на работу?

– Через недельку, наверное. Посмотрим. Я еще не решила.

– А что врач говорит?

– Да что он скажет умного, врач этот! – пренебрежительно ответила Лиза. – Что я захочу, то и скажет. Посмотрим, – повторила она, – если будет настроение работать, закрою больничный.

После пережитого девять лет назад шока, когда на глазах у Лизы четверо мальчишек убили ее младшего брата, она периодически лежала в больнице по поводу нервного расстройства, а потом долечивалась дома.

– Ты знаешь, – оживленно заговорила она, устроившись в уютном глубоком кресле, которое вместе со старинными настенными часами досталось Диме от прабабки, – Андрюше понравились голубые хризантемы, которые я ему приносила в прошлый раз. Я давно заметила: если ему цветы нравятся, они долго не вянут. Сегодня я снова положила такие же. Как ты думаешь, ему нравятся именно хризантемы или то, что они голубые?

«Ну вот, началось, – устало подумал Сотников. – Бесполезно объяснять ей, что Андрюше уже ничего не может нравиться или не нравиться, потому что уже девять лет как его нет в живых. Лиза не хочет этого понимать, она не желает смириться со смертью брата, но поскольку против факта его гибели она бессильна, то и ударилась в религиозную муть о бессмертии души. Отсюда и разговоры эти, и посещение кладбища каждую неделю, а то и чаще, и ежедневная уборка его комнаты, в которой все годы после его смерти поддерживается порядок, словно он ушел в школу и через два часа вернется. Дескать, Андрюшина душа здесь, с нами, она все видит и все понимает, и мы должны обращаться с ней, как будто он жив. Лиза-то еще ничего, а вот мать ее совсем свихнулась, ходит в церковь чуть не каждый день, даже крещение приняла. Превратили квартиру в мавзолей, увешали все стены картинами и фотографиями мальчика и культивируют в этом мавзолее свое горе, чтобы оно еще пышнее расцветало. А я терплю все это девять лет, потому что мне ужасно жалко Лизу. Ее брат был гениальным художником, более одаренного ученика у меня никогда не было. Андрей был настоящим вундеркиндом, не только художником, но и блестящим поэтом. А Лиза была Сестрой вундеркинда, причем Сестрой с большой буквы, а ведь для этого тоже нужен талант. Она умела быть терпимой, знала, как вывести его из кризиса, когда Андрей начинал швырять на пол кисти и кричать, что он – ничтожный мазилка и больше никогда в жизни не прикоснется к краскам. В мальчике была вся ее жизнь, все надежды, она дышала им, и признать окончательность его небытия было для нее равносильно смерти. Бедная моя, сумасшедшая девочка».

– Нет, наверное, главное все-таки то, что цветы – голубые, – продолжала Лиза, не замечая, что Сотников ее почти не слушает. – Помнишь, Андрюша рисовал мой портрет в костюме принцессы? Я там в платье с голубыми цветами. На самом деле цветы были розовые, но он сделал их голубыми, сказал, что так лучше. Помнишь?

– Помню, – улыбнулся Дима. – Портрет был изумительный.

– Да-да, – подхватила Лиза, встряхивая головой, – на выставке его увидел какой-то иностранец и захотел приобрести, но Андрюшенька ответил ему: «Это портрет моей сестры, моей принцессы. Он не продается, потому что я хочу, чтобы моя Лиза всегда была со мной».

Голос ее задрожал, по щекам потекли слезы. Воспоминания о брате были по-прежнему болезненными. Дмитрий присел рядом на подлокотник кресла, обнял девушку, прижал ее голову к своей груди. Он знал, что успокаивать и утешать ее – пустая трата времени, нужно просто переждать, когда она перестанет плакать.

– А помнишь, как мы с тобой точно так же сидели в мастерской, ты гладил меня по голове и говорил, что Андрюша необычайно талантлив и его картины повезут на выставку в Париж, а мы с тобой поедem вместе с ним и будем гулять по бульвару Круазетт? – всхлинула Лиза.

– Конечно, помню, – тихо отозвался Сотников. На самом деле он этого совершенно не помнил, но спорить с Лизой было опасно.

– Мне было шестнадцать, и я была влюблена в тебя по уши, а ты этого даже не замечал. Верно?

– Верно. Ты была тогда ужасно милой девочкой, но всего лишь девочкой, а я был учителем твоего брата, старым и солидным, мне было целых двадцать семь лет.

– Ну да, а когда ты меня обнимал и говорил про Париж, у меня сердце замирало. Это было как в сказке. Дим, а когда ты понял, что любишь меня?

«Никогда», – мысленно произнес Дима, но вслух сказал, разумеется, совсем другое.

Отношение его к Лизе было сложным и запутанным. Она действительно до какого-то времени была для него всего лишь милой девочкой, сестрой его ученика. Как опытный педагог он, конечно же, видел, что она влюблена в него, но кто из мужчин-учителей с этим не стал-кивался? Дело обычное, на это даже внимания обращать не принято. Лиза приводила брата на занятия, терпеливо сидела в уголке и ждала, пока кончится урок, тихонько болтая с Сотни-

ковым о разных пустяках. Иногда Дмитрий просил ее попозировать во время занятий, и она охотно соглашалась.

После гибели одиннадцатилетнего брата Лиза продолжала приходить к художнику, словно ничего не изменилось, говорила с ним об Андрее, о его картинах и стихах. Визиты эти были регулярными и как будто само собой разумеющимися. Сначала Дима ждал, что со временем раны зарубцуются и эти тягостные визиты постепенно прекратятся, но шли месяцы, годы, а Лиза по-прежнему, если не была в больнице, приходила к нему в школу каждый четверг. Когда он спохватился, было уже поздно что-либо менять. Ну что ей сказать? Как объяснить, что ей не нужно приходить к нему? Такое говорят либо сразу, либо не говорят никогда. Это одна из самых распространенных ловушек, которые могут расставить жалость и сострадание. И Дмитрий терпел. Ему было искренне жаль Лизу, а сам себе он казался черствым и бездушным, потому что не мог заставить себя переживать потерю мальчика с такой же неистовой силой.

Они стали любовниками, когда Лизе уже исполнилось двадцать лет. Никакой радости ему это не доставило, но Лиза будто бы немного ожила, встряхнулась, выглянула, пусть ненадолго, из своей траурной скорлупы, в которой пребывала постоянно. И Дима Сотников тогда решил, что если он может хоть что-то сделать для нее, то он должен это сделать, несмотря ни на что, несмотря на других женщин, в которых он влюблялся и с которыми спал. Если есть иллюзия, помогающая Лизе справиться с горем, то он не имеет права эту иллюзию разрушать. Если любовь к нему может ее поддержать, он не должен лишать ее этой поддержки. Разумеется, решение это было принято в ситуации, когда Дима после неудачного кратковременного брака твердо знал, что в ближайшие три-четыре года повторять опыт супружества не станет. Как быть с Лизой, если в его жизни появится женщина, на которой он захочет жениться, Сотников не знал, но полагал, что, когда это случится, тогда и видно будет. Мысль сделать предложение Лизе ему и в голову не приходила. Он прекрасно относился к ней и даже мог раз в неделю продемонстрировать это в постели. Но он ее не любил.

3

Время подходило к шести часам, и Настя подумала, что, если Лесников в течение десяти минут не объявится, ей придется тащиться в магазин «Орион» одной.

Она уже не помнила, когда в последний раз уходила с работы в шесть, обычно она засиживалась допоздна, размышляя над фактами и событиями, чертя замысловатые схемы, выстраивая самые невероятные версии и придумывая хитроумные и оригинальные способы их проверки. Однажды для того, чтобы раскрыть серию убийств, ей пришлось даже прочесть несколько триллеров на французском и итальянском языках. Настины коллеги первое время пожимали плечами и недоверчиво усмехались, когда их начальник Виктор Алексеевич Гордеев по прозвищу Колобок заявил, что взял в отдел человека, который будет заниматься аналитической работой. Особого смысла в этой работе они не видели и полагали, что шеф по чьей-то просьбе просто-напросто пристроил чью-то дочку, а поскольку она сыщицкого дела не знала и ничего делать не умела, ей и придумали эту самую мифическую аналитическую работу. Идея казалась правдоподобной еще и потому, что Настин отчим Леонид Петрович четверть века проработал в уголовном розыске и был добрым приятелем Колобка.

Было это почти десять лет назад, и понадобилось немало времени, чтобы ехидные усмешки и недобрые ухмылки постепенно сползли с лиц сотрудников отдела по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями. Настя работала на всех, выполняя любые просьбы и поручения. К ней можно было прийти и сказать: «У меня не получается комбинация, которую я задумал. У меня срывается вот здесь и вот здесь». Каменская запирала кабинет изнутри, доставала свои знаменитые листочки, чертила на них непонятные стрелочки и кружочки, а через два часа давала полную раскладку причин, по которым срывается комбинация, и советовала, как эти причины устранить. Обладая четким мышлением математика, для которого не существует слов «этого не может быть», она обычно не упускала ни одной версии и ни одного объяснения, какими бы невероятными они ни казались на первый взгляд, а прекрасная память позволяла ей держать в голове множество сведений, которые по первому требованию она извлекала на свет божий, сопоставляла, и после таких сопоставлений они порой представляли в совершенно ином свете.

Сегодня Настя собиралась выполнить данное брату обещание и присмотреться к странной девушке Даше Сундиевой. Для лучшего выполнения задуманного ей хотелось подъехать к магазину на хорошей дорогой машине. Поэтому она и ждала с нетерпением своего коллегу Игоря Лесникова, который был владельцем сверкающего «BMW». Она еще утром просила его помочь, и Лесников, всегда строгий и серьезный, молча кивнул и умчался по делам. Настя так и не поняла, собирался он выполнять ее просьбу или нет.

Когда стрелки часов показали без двух минут шесть, Настя стала одеваться. Ждать дольше бессмысленно, если она собирается провести в магазине как минимум час, а магазин в восемь закрывается. Уже запирая дверь кабинета, она увидела в конце коридора неторопливо шагавшего Лесникова.

– Куда это ты собралась без меня? Ты что, изменила планы? – спокойно спросил он.

– Нет, я просто не надеялась, что ты объявишься.

– Но я же обещал, – невозмутимо ответил Лесников. – Как же я мог не объявиться? Если бы мне что-то помешало, я бы позвонил тебе.

Об обязательности и пунктуальности Игоря Лесникова по МУРу ходили легенды, порой превращавшиеся в анекдоты. Более серьезного и спокойного человека коридоры Петровки, 38, наверное, не видели со дня постройки здания. Вдобавок он был красив, и половина женского населения страны, именуемой «ГУВД Москвы», тихонько вздыхала по нему. Но Лесников был примерным семьянином, любящим мужем и счастливым отцом, и даже при всем

желании упрекнуть его было абсолютно не в чем: за много лет ни одна сотрудница Петровки не получила от него ни единого знака внимания.

Подъезжая к «Ориону», Настя попросила:

– Поставь машину так, чтобы ее было видно из магазина через витрину. Я зайду, минут через десять-пятнадцать выйду, поговорю с тобой, и после этого можешь уезжать.

– Хорошо, – коротко отозвался Игорь, аккуратно пристраивая автомобиль на парковку.

«В моей жизни началась полоса знакомства с богатством, – насмешливо подумала Настя. – Сначала Лешик с платьем за шесть сотен долларов, потом братец-миллионер, а теперь еще и магазин, где цены даже в валюте какие-то запредельные».

Дашу Сундиеву Настя увидела сразу. В таком дорогом магазине покупателей было совсем мало, а в секции женского платья и вообще пусто.

Брат не покривил душой, Даша и в самом деле была красавицей. Причем красивой в полном смысле слова она не была, при внимательном взгляде Настя заметила, что черты лица у нее не совсем правильные, кожа не очень хорошая, а ноги могли бы быть чуть подлиннее. Зато у нее были роскошные густые волосы золотисто-медового цвета, плотными волнами сбегające по плечам, ярко-синие глаза, очаровательный румянец на скулах и ямочки на щеках. Но главным достоинством девушки было выражение лица, приветливое, радостное, открытое и доброжелательное, отчего лицо это казалось бы, наверное, красивым, даже если бы было на самом деле откровенно уродливым.

Настя вошла в секцию и остановилась, оглядывая кронштейны с разнообразными образцами женской одежды.

– Добрый вечер. Могу я вам помочь? – немедленно подошла продавщица, улыбаясь отрепетированной профессиональной улыбкой.

– Может быть, – загадочно ответила Настя. – У меня довольно сложная проблема.

Она ожидала, что при этих словах Даша поскуцнеет, однако ошиблась. Девушка встрепнулась и радостно вспыхнула.

– Я надеюсь, что мы с вами вместе решим вашу проблему, даже если она очень сложная.

«Одно очко ты заработала, – подумала Настя. – Тебе интересно то, что ты делаешь. Сейчас посмотрим, насколько грамотно ты делаешь то, что тебе интересно».

– Мне нужен деловой костюм, чтобы ходить в нем на работу. Но у меня есть ряд условий: во-первых, юбка не должна быть короткой, во-вторых, он не должен стеснять движения, в-третьих, он должен быть таким, чтобы к нему можно было надевать туфли на низком каблуке или вообще без каблука, в-четвертых, он не должен быть ярким или нарядным, в-пятых, он должен быть из немнущейся ткани и не требовать ежедневной утюжки. И наконец, в-шестых, он должен мне идти. Это, пожалуй, самое трудное. Ну как, справимся?

Даша весело улыбнулась.

– Чем труднее задача, тем интереснее ее решать. Вы согласны?

– Ну... В общем, да, – растерялась Настя от этих слов, потому что это были ее собственные слова, которые она произносила неоднократно. Любопытная девочка эта Даша Сундиева. Без малейшего усилия заработала второе очко.

– Тогда начнем с главного. Давайте решим, какие костюмы вам идут, а уж потом из них будем выбирать такие, которые удовлетворяли бы вашим условиям.

– Вся сложность в том, что мне костюмы вообще не идут, поэтому я не знаю, каким он должен быть. Просто я поставлена перед необходимостью ходить на работу в костюме, поэтому вынуждена его купить. Вообще-то я предпочитаю другую одежду.

Даша отошла на несколько шагов и принялась разглядывать свою покупательницу.

– Повернитесь, пожалуйста. Так, хорошо. Расстегните куртку, а лучше снимите ее совсем. Грудь сорок восемь-пятьдесят, талия сорок шесть, бедра сорок шесть, рост четвертый. Немудрено, что вы не можете ничего себе купить.

– Почему? – удивилась Настя. Она как-то не задумывалась над этим, потому что ничего себе и не покупала. У нее был вполне приличный гардероб, так как постоянно выезжающая за границу и подолгу там живущая мать часто присылала ей дорогие модные тряпки, которые Настя практически никогда не надевала, предпочитая джинсы, майки летом и свитера зимой, а также удобные кроссовки.

– По двум причинам. Во-первых, вещи, которые хорошо сидят на талии и бедрах, тесны в груди, а вещи, которые в груди не тесны, на талии болтаются или даже сваливаются. У вас от природы сорок восьмой размер, но вы при вашем росте слишком худы. Вы не болеете?

– Нет. Просто неправильно питаюсь, да и работа нервная, – пояснила Настя, не успев сообразить, что чуть ли не откровенничает с этой незнакомой, да еще и подозрительной девушкой. Дар у нее такой, что ли, располагать к себе людей?

– Вторая проблема состоит в том, что у вас нет индивидуальности внешнего образа. Вы по какой-то причине его прячете или не создаете. Поэтому вам ничего не идет.

– Не поняла, – нахмурилась Настя. На самом деле она прекрасно все поняла и вынуждена была признать, что девчонка попала не в бровь, а в глаз. Умна, быстро соображает, хороший словарный запас, позволяющий формулировать свои мысли достаточно точно и в то же время аккуратно и тактично. Наметанный глаз профессионала. Природное обаяние, притягивающее людей. Умение разговорить и вызвать на откровенность. Сколько очков ты набрала, Дарья Сундиева? Шесть. Молодец. Неудивительно, что брат Александр влюбился в тебя до умопомрачения. Но если он прав в своих подозрениях, то ты чертовски опасная преступница, потому что с твоими данными можно о-го-го каких дел наворочать.

– Я постараюсь объяснить, – продолжала продавщица. – Что мы имеем в виду, когда говорим, что платье идет женщине или не идет? Во-первых, сочетание цветов: цвет волос и глаз должен выгодно оттеняться или подчеркиваться цветом одежды. Во-вторых, сочетание стилей: фасон и стиль одежды должен соответствовать тому образу, который женщина создает и поддерживает прической, макияжем, украшениями, осанкой, даже походкой и манерами, даже речью. Вы меня понимаете?

Настя кивнула.

– Продолжайте, пожалуйста. Это очень интересно.

– Согласитесь, когда женщина в потертых джинсах и ковбойке делает вечерний макияж, сложную прическу и обвешивается бриллиантами, это нелепо. Точно так же нелепо, когда одетая в дорогой костюм женщина ходит лохматой и с дешевой бижутерией на шее и в ушах. Или дама в вечернем платье вдруг начинает говорить хриплым голосом и ругаться как извозчик. Образ должен быть единым, понимаете?

– Да, конечно.

– Чтобы подобрать костюм, который вам идет, нужно видеть ваш образ. А у вас его нет.

– То есть вы хотите сказать, что я – никакая?

– Вы делаете себя никакой, – горячо возразила Даша. – Вы с вашими природными данными можете быть какой угодно, но вы этого почему-то не хотите. Или не знаете, как это сделать. Поэтому давайте решим, какой вы хотите быть, а потом уже пойдем дальше.

«Семь очков, – мысленно сосчитала Настя. – Первым природные особенности моей внешности мне открыл отчим много лет назад, когда объяснил, что на моем невзрачном бесцветном лице можно нарисовать все что угодно, от уродства до ослепительной красоты. Можно умело накладывать косметику, менять цвет волос и глаз, прическу и походку, голос и манеру говорить. Всему этому я училась с юности, а мама из-за границы присылала мне разноцветные контактные линзы и специальную косметику. Так что искусством создания образа я владею не хуже этой визажистки. Другое дело, что для повседневной жизни я этим искусством почти не пользуюсь, потому что мне совершенно не интересно, как я выгляжу и нравлюсь ли мужчинам. Мне интересно решать задачки».

Она торопливо взглянула на часы, потом бросила взгляд через витрину на улицу. Сверкающая машина Лесникова стояла совсем рядом и была хорошо видна.

– Я чувствую, что мы с вами займемся моими проблемами всерьез. Мне нужно отпустить водителя на ужин. Я сейчас вернусь.

Подойдя к машине, Настя открыла дверцу со стороны пассажирского места.

– Спасибо, Игорь, выручил. Посмотри-ка мне за спину, через витрину. Девушку видишь?

– Блондинку? Вижу.

– Она на нас смотрит?

– Нет, она стоит к нам спиной.

– Выйди, пожалуйста, – попросила Настя, – я не могу стоять согнувшись, спина болит.

– Может быть, лучше ты сядешь в машину?

– Нет, я хочу, чтобы она видела меня вместе с тобой и машиной. Создаю образ состоятельной дамы с причудами.

Игорь вышел из машины и встал лицом к витрине.

– Ну что она? – нетерпеливо спросила Настя. Ей хотелось скорее вернуться в магазин к непростой и даже подозрительной девушке Даше и продолжить свой эксперимент.

– Вышла из секции. Ага, вот она пошла в соседнюю секцию, говорит с продавщицей, подходит к манекенам, – тихо комментировал Лесников. – Снимает с них парики. Один, два, три, четыре парика, опять подходит к продавщице, возвращается в свою секцию. Раскладывает парики на столе. Повернулась. Смотрит на нас.

– Точно смотрит?

– Точно. Улыбается.

– Тебе, что ли, улыбается?

– Нет, каким-то своим мыслям. Лицо задумчивое.

– Все еще смотрит?

– Угу. По-моему, она тебя изучает с ног до головы.

– Ладно, хватит, – решила Настя. – Красивую машину с красивым водителем она увидела, можно возвращаться. Счастливо, Игорек!

Вернувшись в магазин, Настя сразу увидела, что кронштейн возле стола продавщицы заполнен костюмами. Она точно помнила, что, когда разговаривала с Дашей, этот кронштейн был пустым.

– Все в порядке? – приветливо улыбнулась ей продавщица. – Тогда продолжим, если вы не передумали. Я подобрала для вас костюмы и парики, чтобы мы могли прикинуть, какой образ вы будете создавать. Предлагаю вам на выбор платиновую блондинку с оливково-зеленой цветовой гаммой или средне-русую с серыми и бледно-сиреневыми оттенками.

– А в чем разница? – поинтересовалась Настя, чувствуя себя экзаменатором. Она прекрасно знала, в чем разница, но ей важно было услышать ответ, чтобы проверить Дашу.

– Платиновая блондинка в сочетании с оливково-зелеными оттенками даст нам образ женщины с прошлым, страдавшей, любившей, сдержанной, внешне холодной, но, вполне возможно, страстной по натуре. Средне-русые волосы вместе с серыми и бледно-сиреневыми цветами складываются в образ мягкой, покладистой, доброй, домашней женщины, открытой и ласковой. Выбирайте.

Через час Настя ушла из магазина «Орион», унося с собой купленный на деньги брата костюм из оливкового шелка и смутное ощущение, что синеглазая золотоволосая Даша Сундиева гораздо сложнее, чем может показаться даже самому пристрастному и склонному к подзрениям судье. Умные и проницательные люди редко бывают открытыми и доброжелательными, потому что умные и проницательные люди всегда видят тебя насквозь вместе с твоими нелюбезными мыслями. После этого доброжелательности у них резко убавляется. Таких, как Даша, просто не бывает. Настя была уверена, что в чем-то она притворяется. А поскольку,

будучи безграмотным глупцом, имитировать ум, профессионализм и проницательность невозможно, остается думать, что искусственными являются приветливость, доброта и открытость. Очень похоже, дорогой братец, что ты не ошибся. Что-то с твоей девушкой определенно не так.

Едва открыв дверь своей квартиры, Настя услышала телефонный звонок.

– Подойди! – крикнул ей из глубины квартиры Чистяков. – Это наверняка опять твой брат, он уже раз десять звонил.

Это действительно был Александр Каменский, с волнением ожидавший вынесенного Настей приговора.

– Не могу пока сказать ничего определенного, – честно сказала Настя. – Похоже, что ты прав, но полностью быть уверенной я не могу.

– Как же быть? – расстроено спросил он.

– Не суетись. Веди себя как ни в чем не бывало, встречайся с Дашей, только в гости ее не води. А я через пару дней повторю заход. Может, что-нибудь прояснится.

– Спасибо тебе, сестренка. Ты прости, что я у тебя время отнимаю, – поблагодарил Саша.

4

Ведя белые «Жигули» по Ленинградскому шоссе из аэропорта Шереметьево в город, он думал, что бензина едва-едва хватит, чтобы доехать до дома. День выдался беспокойный, Игорь Ерохин мотался по всей Москве, но если он приезжал куда-то на одной машине, а уезжал на другой, то его преследователь машину не менял, и под конец дня проблема горючего встала весьма остро.

За весь период наблюдения, которое длилось около трех месяцев, человек, следящий за Ерохиным, побывал в Шереметьеве не меньше десятка раз. Игорь то сам улетал, то провожал кого-то, то встречал людей, везущих с собой многочисленные чемоданы и сумки. Наблюдение велось несистематически, от случая к случаю, когда у этого человека выпадало свободное время, поэтому детальной картины о перемещениях и образе жизни Ерохина у него пока не было, но такая картина и не была ему нужна. Человек в белых «Жигулях» точно знал, какие сведения хочет получить, и он терпеливо, используя для этого каждый свободный час, следил за Игорем, отмечая, где и когда тот бывает, что делает, с кем встречается, какими маршрутами возвращается вечером домой. Человек этот был терпелив, он умел затаиться и ждать, непреодолимая потребность действовать была ему незнакома.

В последние дни преследователь заметил, что Игорь следит за какой-то молодой женщиной, причем делает это не один, а по очереди с двумя приятелями. Впрочем, приятелей могло быть и больше, ведь водитель «Жигулей» присматривал за Ерохиным не постоянно. Это показалось ему забавным. Наблюдение за наблюдающим. Он не испытывал интереса к этой женщине и не пытался выяснить, кто она и почему Игорь вместе с друзьями за ней следит. У него была совсем другая задача.

Микроавтобус, в котором находился Игорь, въехал во двор и остановился у подъезда. Вместе с Ерохиным вышли еще трое мужчин и начали выгружать огромные чемоданы и безразмерные сумки. Человек в «Жигулях» во двор въезжать не стал, он видел эту процедуру не один раз и знал, что в сумках и чемоданах лежат привезенные челноками из Турции или Греции кожаные и меховые изделия, которые завтра появятся на рынке в Лужниках или в Конькове. Ничего интересного в этом не было.

Выгрузив товар и затащив его в дом, Игорь сел в микроавтобус и поехал в сторону своего дома, где пересел в собственный автомобиль «Ауди» и направился в центр, на Тверскую. Вышел из машины неподалеку от памятника Долгорукому, подошел к молодому человеку кавказского типа, обменялся с ним несколькими словами, после чего молодой кавказец ушел, а Ерохин вернулся к своей «Ауди», сел в нее, но никуда не поехал. Мужчина в «Жигулях» уже знал, что теперь объект его интереса будет ждать, когда появится та женщина, потом будет преследовать ее до тех пор, пока она не вернется поздно вечером домой. И в этом тоже не было ничего интересного. Где живет женщина, он уже узнал, наблюдая за Игорем на прошлой неделе, и маршрут, которым тот потом будет возвращаться к себе, мужчину не устраивал.

Поглядев на часы и на счетчик топлива, он решительно развернулся и поехал на заправку. На сегодня он наблюдение закончил.

Глава 3

1

Собираясь нанести второй визит в магазин «Орион», Настя примерно представляла себе, как и что будет делать, чтобы составить более четкое впечатление о Даше Сундиевой. Она провела необходимую проверку и выяснила, что ни на каких учетах девушках не состояла, ни в чем криминальном никогда замечена не была и биография у нее кристально чистая. Все, что Даша рассказывала о себе Александру Каменскому, подтвердилось.

И в то же самое время характер ее, как он виделся Насте, выглядел совершенно неправдоподобным. Откуда в конце XX века в измученной и истерзанной неурядицами России мог взяться такой странный характер, такое удивительное сочетание увлеченности профессией, бесспорного ума, проницательности, с одной стороны, и трогательной наивности, доброты, готовности оказать услугу – с другой. То ли Дарья выросла все-таки не здесь и получила другое воспитание, хотя документы утверждают, что она коренная москвичка. То ли она – прекрасная актриса, и тогда встает неприятный вопрос о том, а зачем, собственно, нужен весь этот спектакль.

Но Насте не удалось использовать свои домашние заготовки для разговора с загадочной продавщицей. Даша встретила ее как родную, стала расспрашивать, какое впечатление произвел костюм на Настиных сотрудников, и выразила полную готовность продолжить работу над образом богатой некрасивой покупательницы, дабы превратить ее из Золушки в принцессу. Настя решила бросить пробный камень.

– У меня довольно обширный гардероб, мне привозят много вещей из-за границы, но они все какие-то разноплановые, да и носить их я не умею, – бросила она словно невзначай, застегивая «молнию» на предложенных Дашей облегающих брюках и надевая элегантный длинный пиджак.

– Если хотите, я могу приехать к вам домой и помочь разобраться с вашим гардеробом, – тотчас же откликнулась продавщица, подходя к примерочной с очередным костюмом в руках. – Может быть, нам удастся создать такой образ, к которому подойдет большинство ваших вещей. Жалко, если хорошие вещи валяются в шкафу только потому, что они вам не идут.

– Неужели вам не лень ехать на окраину города ради какой-то случайной покупательницы? – удивилась Настя, стягивая брюки и беря протянутую Дашей юбку.

– Нет, что вы, мне очень интересно! – оживленно воскликнула та. – Это же моя профессия.

Такой оборот Насте не понравился. Должен же быть какой-то предел услужливости и доброжелательности! Или Дарья переигрывает, или она вообще не от мира сего. Может быть, ей очень хочется заполучить Настины документы, тогда готовность приехать к ней домой совершенно оправданна. Богатая дама с хорошим автомобилем и красивым молодым шофером – это заманчиво. Нужно взглянуть, как она живет, и, если обстановка в квартире соответствует требуемому стандарту, а сама хозяйка окажется представительницей финансово-коммерческого мира, можно копировать ее документы и использовать их по своему усмотрению. Нет, такой расклад Насте решительно не нравился. Она уже собралась было делать следующий шаг для прояснения ситуации, как вдруг заметила, что Даша изменилась в лице.

– Что с вами? – встревоженно спросила Настя. – Вам нехорошо?

Даша помотала головой, не сводя испуганных глаз с окна. Настя проследила за ее взглядом и увидела парня в коричневой кожаной куртке. Парень стоял у киоска, торгующего горя-

чими бутербродами, жевал гамбургер и запивал чем-то горячим из пластикового стаканчика, над которым вился легкий парок.

– Вы знаете этого парня? – спросила Настя.

Даша снова помотала головой, будто у нее язык прилип к гортани.

– Тогда чего вы так перепугались? На вас же лица нет, голубушка. Такое впечатление, что вы вот-вот грохнетесь в обморок.

– Я его боюсь, – едва слышно пробормотала Даша. Прелестный румянец, так украшавший ее личико, мгновенно растаял, кожа стала землисто-серой, а губы побледнели.

– Почему? Что в нем особенного?

– Он за мной следит.

«О Господи! – взмолилась Настя. – Не хватало мне еще мании преследования! Я-то ломаю себе голову над странностями ее характера, а она может оказаться просто сумасшедшей. Вот так номер!»

– С чего вы это взяли? – Настя тщательно разыгрывала вежливое недоумение.

– Я его уже раньше видела и здесь, возле магазина, и возле дома, и возле университета, когда шла вечером с занятий.

– Может, вам показалось? Смотрите, как он одет: типовая куртка, типовые брюки, типовая стрижка, обыкновенное лицо. А теперь посмотрите на других прохожих. Видите, вон пошел мужчина в похожей куртке, а вон еще один, на нем вообще куртка точно такая же, да в них пол-Москвы ходит. С брюками то же самое, посмотрите повнимательнее и сами увидите. Я уверена, что вы просто приняли разных людей за одного и того же человека.

Даша отвернулась от окна и внимательно посмотрела на Настю.

– Вы принимаете меня за сумасшедшую? – тихо и внятно спросила она. – У этого мужчины над верхней губой с правой стороны родинка, а еще две – с левой стороны, на щеке у самого уха. На воротнике куртки приколот маленький значок, синий с красным. Нагрудный карман сверху немножко порван. Я видела этого человека несколько раз, поэтому хорошо разглядела его и запомнила.

– Ну и что? – Настя пыталась сохранить хладнокровие. – Почему вы решили, что он непременно следит за вами? Может, он просто часто здесь бывает, ждет, например, свою девушку, которая работает где-то рядом. Возле университета вы могли встретить его случайно, ничего невероятного в этом нет. А возле вашего дома вообще был не он, вы обознались от страха. Ну как? Я вас убедила?

– Нет. Я все равно его боюсь.

– И давно за вами следят?

– Недели две примерно.

Даша поежилась, отошла от окна и облокотилась на стойку кронштейна.

– Чем же вы так провинились?

– Понятия не имею. Если бы вы только знали, как мне страшно.

– Ну, если вам так безумно страшно, то почему бы вам не обратиться в милицию? – посоветовала Настя, все еще не принимая девушку всерьез.

– В милицию? – Даше удалось выдавить из себя жалкую улыбку. – Да вы что? Они же примут меня за сумасшедшую. Подумают, что у меня мания преследования.

«Она мысли умеет читать, что ли? – с недоумением сказала себе Настя. – Подумать не успеваю, а она уже вслух произносит. Что это за история со слежкой? Если она врет, то возможны два варианта: либо она этого парня знает и боится его по совершенно определенной причине, но отнюдь не потому, что он за ней следит, либо она его не знает, но историю со слежкой все-таки выдумала, тогда нужно быстренько придумать, зачем ей это может быть нужно. А если она не врет? Час от часу не легче. Нужно что-то предпринимать, иначе я совсем запутаюсь и ничего в этой девочке не пойму».

– Вы напрасно плохо думаете о милиции, – спокойно отозвалась Настя, снимая с вешалки понравившиеся ей черные брюки с болотно-зеленым свободным пиджаком. – Сколько стоит этот костюм? Я его возьму.

Расплатившись, она вышла из магазина и пошла в сторону метро. Пройдя метров двести, внезапно развернулась и медленно двинулась обратно к «Ориону». Когда в поле зрения оказался мужчина в кожаной куртке, она остановилась и огляделась. В двух шагах от нее стояли перпендикулярно друг другу цветочный и табачный киоски, один из них был развернут витриной на Тверскую, другой – на площадь, и между ними образовался уютный уголок. Купив в табачном киоске пачку сигарет, Настя хотела спрятаться в уголке и закурить. Если ее кто и увидит, то никому и в голову не придет, что она скрывается от чьего-то взгляда или за кем-то следит. Просто стоит женщина в уголке и курит. Что тут такого?

Она стала рыться в сумке в поисках зажигалки, но пакет с новым костюмом мешал и стеснял движения, сумка то и дело выскальзывала из рук, и ей никак не удавалось нащупать зажигалку среди множества мелких предметов, бумаг и пакетов. Она беспомощно оглянулась и встретила глазами с высоким мужчиной лет пятидесяти, который курил, прислонясь к цветочному киоску, и с насмешливой улыбкой наблюдал за ней. Мужчина тут же вынул из кармана зажигалку и поднес ей огонь.

– Спасибо, – пробормотала Настя, пытаясь справиться одновременно с не желавшей закрываться «молнией» на сумке и с выпадавшим из рук пакетом.

В десять минут девятого из магазина вышла Даша Сундиева вместе с продавщицей из секции сувениров. Они пошли к троллейбусной остановке, а мужчина в кожаной куртке неторопливо сел в стоящую неподалеку «Ауди» и медленно поехал вдоль тротуара. Насте было видно, как девушки сели в троллейбус, а «Ауди» пристроилась ему в хвост.

И все это майору милиции Каменской совсем не понравилось.

2

Он спрятал зажигалку в карман и снова облокотился о киоск. Опять Ерохин пасет эту блондиночку из магазина. Значит, сегодня вечером вряд ли подвернется удобный случай. Игорь потащится за ней до места встречи с ее кавалером, будет таскаться за ними по пятам, пока они будут искать, где бы поужинать, потом кавалер повезет блондиночку домой, а от ее дома Игорь поедет, как обычно, к себе. Ничего интересного на этом пути случиться не может.

Глядя на Ерохина, жующего уже третий за последний час гамбургер, мужчина с привычным недоумением думал о том, что этот молодой, еще так мало проживший двадцатитрехлетний парень уже успел отнять жизнь у двух человек, а жизни троих других людей полностью искалечить. А ведь со стороны он выглядит совершенно обыкновенным, ничем не примечательным, в меру симпатичным парнем. Интересно, сам-то Игорь хотя бы понимает, сколько зла он сделал за свою короткую жизнь? Нет, наверное, он над этим даже не задумывается.

Мужчина бросил взгляд на молодую женщину в джинсах и синей ветровке, которой он помог прикурить. Женщина стояла неподвижно в уголке между двумя киосками, видно, кого-то ждала. На лице у нее было написано безграничное терпение и готовность стоять здесь столько, сколько понадобится, без малейшего недовольства или раздражения. Он усмехнулся. Конечно, такая некрасивая, невзрачная мышка не посмеет взбунтоваться, будет смиренно ждать своего хахала хоть до завтрашнего утра и не скажет ему ни слова упрека за опоздание. Судя по ее позе и выражению лица, она привыкла ждать. Ну что ж, пусть ждет.

Мужчина повернулся всем корпусом и пошел к своим белым «Жигулям». Рано или поздно Игорь перестанет тратить все свободное время на блондиночку-продащицу, тогда он снова начнет по вечерам навещать свою подругу, которая живет в очень удобном месте. Недалеко от ее дома находится заброшенный пустырь. Ерохин трясется над своей «Ауди» и никогда не оставляет ее на ночь без присмотра, всюду находит платные стоянки, платит сторожам бешеные бабки, чтобы позволили поставить машину до утра. Там, где живет подружка Ерохина, платная стоянка находится далековато, чтобы сократить путь, надо идти через тот самый пустырь. А пустырь нехороший... Вот и нужно будет поймать момент, когда Игорь раненько поутру побежит к своей ненаглядной «Ауди» через нехороший пустырь. Утро – время самое подходящее с точки зрения безопасности. Люди сонные, соображают плохо. А кто успел проснуться и начать соображать, тот торопится, опаздывает. Это одинаково применимо и к свидетелям, и к милиции.

Водитель белых «Жигулей» хотел убить Игоря Ерохина.

3

Виктор Алексеевич Гордеев по прозвищу Колобок заканчивал утреннюю оперативку.

– Если ко мне нет больше вопросов, все могут быть свободны. Анастасия, останься.

Сотрудники торопливо потянулись из кабинета начальника, чтобы разбежаться по своим не терпящим отлагательства делам. Настя осталась сидеть в дальнем углу.

– Чего прячешься? – пробурчал Колобок. – Садись ближе.

– Зачем? – улыбнулась она. – Бить будете?

– Горло у меня болит, – пожаловался Гордеев, – громко разговаривать не могу. Оперативку еле-еле протянул, как будто наждаку в глотку напихали. Ангина у меня, что ли?

– Похоже, – согласилась Настя. – Полощите горло раствором йода с солью, он хорошо дезинфицирует, особенно если там гнойнички.

– А эти... как их... Ну, которые по телевизору рекламируют? Может, их попробовать?

– Вы имеете в виду «Колдрекс» и «Панадол»?

– Вот-вот.

– Не знаю, тут я вам не советчик. Я вообще-то боюсь новых лекарств, но это потому, что у меня аллергия.

– Ладно, обойдусь народными средствами, – вздохнул Колобок.

Похоже, он и вправду заболел. Обширная лысина его была покрыта капельками пота, несмотря на прохладный октябрьский день, нос покраснел, глаза слезились, голос сел и с каждым словом становился все более сиплым.

– Что с аналитической справкой? – спросил он. – Когда будет готова?

– Да она практически готова, теперь мне нужен ваш совет. Нет, два совета, – поправила сама себя Настя.

– Валяй, – махнул рукой Виктор Алексеевич. – Когда я болею, у меня сопротивляемость падает, и с меня можно даже два совета бесплатно содрать. Пользуйся.

– Я обнаружила несколько групп убийств, можно даже назвать их сериями, которые расследовались поодиночке, и вопрос об объединении дел даже не ставился. Я уверена процентов на девяносто пять, что это все-таки серии, каждая из которых объединена либо своим исполнителем, либо каким-то другим признаком. Я могу просто указать на это в справке, а могу дать развернутый анализ с объяснениями, но тогда начнут мелькать фамилии тех, кто это просмотрел, упустил, кто схалтурил. Есть третий вариант: я в справке для Штаба только упоминаю об этом, а отдельно делаю подробный анализ по этим сериям. Короче, как вы скажете, так и будет.

– Как скажу, как скажу, – брюзгливо проворчал полковник Гордеев, обматывая горло серым форменным шарфом. – Никак я не скажу. Я болею. Твоя справка, как напишешь, так и хорошо.

– Ну Виктор Алексеевич, – взмолилась Настя, – может, не стоит ребят подставлять? Давайте я напишу без фамилий. В конце концов, справка-то нужна не для того, чтобы делать оргвыводы, а для того, чтобы учитывать ошибки и типичные промахи. Разве нет?

– Ну, правильно, – кивнул Колобок, переходя на хриплый шепот. – Раз ты сама все знаешь, чего ж спрашиваешь?

– На всякий случай, вы же начальник.

– Плохо, Анастасия. Ты уже большая девочка, кончай прятаться за мою спину, учись сама принимать решения. Не сегодня-завтра уйду на пенсию, что будешь делать без меня?

– Без вас я пропаду, – твердо ответила она.

– Чушь, – поморщился полковник. – Давай быстрее становись на ноги, набирайся смелости, чтобы я мог со спокойной совестью отойти от дел. Один совет я тебе, считай, дал. Чего ты еще хотела?

– Ну, в свете того, что вы мне только что сказали, выходит, что ваш второй совет мне не нужен. Поэтому я не советуюсь и не спрашиваю разрешения, а просто ставлю вас в известность.

– О чем?

– О том, что мне необходимо провести оперативную проверку некоторых обстоятельств, и я собираюсь использовать для этого собственные возможности.

– Какие это, интересно, у тебя возможности? – от удивления у Колобка на мгновение прорезался голос. – Ты десять лет сидишь на аналитике, у тебя нет ни одного агента, ни платного, ни какого-либо другого. Насколько я знаю, других источников информации у тебя тоже нет. Ты что это задумала, а? Ну-ка быстро признавайся.

– Не признаюсь ни за что, – засмеялась Настя. – Вы же сами велели набираться смелости и принимать решения самостоятельно.

– Смелость заключается не в том, чтобы перечить начальству и утаивать от него информацию.

– И в этом тоже, – упрямо возразила Настя. – Но я утаивать не буду. Я хочу попросить помощи у Денисова.

– У кого?! – поперхнулся полковник.

– У Эдуарда Петровича Денисова, – невозмутимо повторила Настя. – Во-первых, вы совершенно правы в том, что собственных источников информации у меня нет. Во-вторых, Эдуард Петрович остался мне должен, так что я могу прибегнуть к его помощи без зазрения совести. И я очень вас прошу, Виктор Алексеевич, не запрещайте мне делать то, что я задумала, потому что я все равно буду это делать, только буду вынуждена вам врать, а мне этого не хочется.

– Зачем тебе это? – тоскливо просипел Гордеев, держась руками за горло. – Что ты хочешь выяснить?

– Пока не скажу. И не давите на меня, Виктор Алексеевич, я инструкции знаю.

– Ладно, делай как решила, – неожиданно миролюбиво отозвался Колобок. – Ты у меня девочка умненькая, ничего катастрофически глупого не сделаешь. Только поосторожней с Денисовым, этот старый зубр тебя одним зубом перекусит и не заметит.

4

Эдуард Петрович Денисов был полновластным хозяином старинного Города с полумиллионным населением. Год назад он обнаружил, что на территории его владений какая-то криминальная банда затеяла незаконную охоту. Эдуард Петрович потратил немало сил и средств, чтобы создать в своем Городе единую и монолитную мафию, тщательно оберегал свое хозяйство от конкурентов, и нахальное поведение чужаков его до глубины души возмутило. А тут возьми и случись убийство в городском санатории, да еще явно связанное с этой бандой. Купленная Денисовым милиция ничего толком сделать не сумела. И тогда ему пришла в голову идея использовать для раскрытия убийства некую Каменскую, которая как раз в это самое время отдыхала в санатории, лечила свою больную спину и даже была знакома с убитым.

Для самой Насти ситуация оказалась далеко не простой. Она мучительно пыталась понять, может ли пойти на сотрудничество с мафией, если речь идет о разоблачении группы опасных убийц и предотвращении новых кровавых преступлений. Кроме того, она ужасно боялась Денисова и возглавляемой им криминальной структуры, потому что никого в Городе не знала и прекрасно отдавала себе отчет в том, что в случае осложнений или неприятностей бежать за помощью и защитой ей будет не к кому: при наличии единой и монолитной мафии родная милиция ей не подмога, она вся на корню закуплена.

В конце концов ей удалось победить страх и найти моральное оправдание своим действиям. Убийц она вычислила, а с Денисовым у нее сложились отношения теплые и почти дружеские. За свою работу она не взяла с Эдуарда Петровича ничего, кроме билета на поезд в Москву, и при прощании он сказал ей:

– Мне уже за шестьдесят, Анастасия, не ровен час – умру. Умирать должником мне бы не хотелось. Поймите меня правильно. Дайте слово, что позвоните мне, если в вашей жизни возникнут хотя бы малейшие трудности. Вы успели неплохо меня узнать и понимаете, что нет такого, чего я не смог бы сделать. А для вас я сделаю даже то, что в принципе невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.